

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рус=Рус)6-44
P17

Раззаков, Федор Ибатович.

P17 Пуля для Зои Федоровой, или КГБ снимает кино / Федор Раззаков. — Москва, Алгоритм, 2016. — 496 с. — (Дело не закрыто).

ISBN 978-5-906842-34-3

Судьба звезды советского кинематографа Зои Федоровой неординарна и противоречива, а ее убийство до сих пор не раскрыто.

Арест как пособницы иностранному шпиону, положение дочери «врага народа», попытка самоубийства в лефортовском изоляторе, обвинение в шпионаже в пользу иностранных государств, долгие годы заключения в знаменитой «Владимирке» и блестящая творческая биография, правительственные награды и премии. Как это возможно?! Расследование, проведенное Федором Раззаковым, заставляет совершенно иначе взглянуть на биографию актрисы и на причины ее трагической гибели. Автор задается вопросами: случайно ли убийца, не оставивший на месте преступления почти никаких следов, «забыл» забрать с собой гильзу от немецкого пистолета «Зауэр»? Не было ли это намеком на «немецкую линию», по которой Федорова долгие годы работала на советские спецслужбы, и почему эта улика не помогла следствию выйти на преступников? Или все же помогла, но привлечь их к ответственности было невозможно?..

Книга Федора Раззакова — это настоящий документальный детектив с неожиданными поворотами и сенсационными подробностями тайной жизни людей, которых знает вся страна.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рус=Рус)6-44

ISBN 978-5-906842-34-3

© Раззаков Ф.И., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ДЕЛО НЕ ЗАКРЫТО

Раззаков Федор Ибатович

ПУЛЯ ДЛЯ ЗОИ ФЕДОРОВОЙ, ИЛИ КГБ СНИМАЕТ КИНО

Редактор *Н.В. Мезина*
Художественный редактор *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 27.01.2016.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906842-34-3

9 785906 842343 >

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

КТО ВЫ, АКТРИСА ФЕДОРОВА?

Пролог	6
Футбол, фокстрот и шпионаж, или Агент по имени «Зефир»	7
Кино под колпаком НКВД	52
«Люблю тебя, Петра творенье...», или Агентурный Ленинград	81
Дочь за отца не отвечает, или Побег от оператора к «сталинскому соколу»	100
На немецком направлении, или В воздухе пахнет войной	149
«Я дала вам согласие вести подпольную борьбу...», или Вставай, страна огромная!	175
От немцев к янки, или На новом направлении — американском	208
Любовь под колпаком, или «Ласточки» прилетели	242
Арест агента, или Одна в поле не воин	292
Узница централа, или «Железная маска» по-советски	332

Часть вторая

ВЫСТРЕЛ НА КУТУЗОВСКОМ

В поисках Тейта, или Купите «брюлики»	353
Яблоко от яблони... или Побег к отцу	415
Пуля для Зои, или Кто нажал на курок	444

Часть первая

КТО ВЫ, АКТРИСА ФЕДОРОВА?

Пролог

В декабре 1947 года Зоя Федорова, арестованная год назад органами МГБ, написала из пересыльной тюрьмы письмо Лаврентию Берии. В нем она просила всесильного члена Политбюро о заступничестве и напоминала ему один эпизод из начала войны.

Вот как звучала эта фраза в письме:

«...Я дала вам согласие остаться в Москве на случай, если немцы захватят ее, чтобы помогать вам вести с ними подпольную борьбу».

Что же явствует из этих слов?

Оказывается, Берия просил Зою Федорову стать подпольщицей, чтобы работать на советские спецслужбы. Зададимся вопросом: случайно ли столь опытный в разведке человек (а к тому времени Берия работал в органах почти двадцать лет) обратился к актрисе с подобным предложением? Ведь трудно себе представить, что всесильный нарком не понимал, чем чревато оставление в оккупированной Москве неопытного человека в качестве подпольщика. Провал такого агента неминуемо грозил разоблачением другим подпольщикам, связанным с ним агентурными нитями.

Неужели Берия был столь наивен и глуп, чтобы не понимать этого?

Конечно же, нет.

Судя по всему, выбирая кандидатуру Зои Федоровой на роль подпольщицы (а список таких кандидатов не мог быть обширен), Берия был уверен в том, что актриса с порученным ей заданием справится. Почему же он так решил? Не потому ли, что за плечами Федоровой уже был многолетний опыт агентурной работы на советскую разведку? Но тогда возникает новый вопрос: когда же она сумела его приобрести? Чтобы ответить на этот вопрос, следует начать рассказ с самого начала.

ФУТБОЛ, ФОКСТРОТ И ШПИОНАЖ, ИЛИ АГЕНТ ПО ИМЕНИ «ЗЕФИР»

Шпионы и футбол. — Чарльстон с агентами. — Удар по английской разведке. — «Вербовать пачками». — Рождение агента «Зефир». — Эволюция агента — дзержинский поток. — Кино под колпаком ГПУ. — Первые фильмы про чекистов. — «Зефир»-информатор

Откуда впервые пошла гулять версия о том, что Зоя Федорова была негласным сотрудником советских спецслужб? Виной всему история лета 1927 года, когда Зоя внезапно угодила в поле зрения Государственного политического управления (ГПУ), а если быть точным — его контрразведывательного отдела. Угодила, в общем-то, случайно, по вине двух мужчин, один из которых обожал футбол, а другой — модный танец фокстрот. Первого звали Эдвард Чарнок, второго — Кирилл Прове. Кем же были эти люди?

Игра в футбол зародилась в Англии в 1846 году. А в Россию она пришла в начале XX века благодаря семейству англичан Чарноков, которые обосновались здесь за полвека до этого. Глава этого семейства был директором хлопчатобумажной фабрики у текстильного магната Н. Н. Коншина в Серпухове. Его четверо сыновей — Эдвард (на русский манер Эдуард), Джеймс (Яков), Уильям (Василий, он же — Рыжий Вилли) и Гарри (Андрей) — родившиеся в России, хорошо знали русский язык и поэтому, получив, как и отец, текстильное образование в Англии, вернулись в Россию, чтобы здесь делать свой бизнес. А свободное время сыновья посвящали игре в футбол, играя сначала в Серпухове, а затем — когда Гарри Чарнока по приглашению Товарищества мануфактур «Викула Морозов с сыновьями» назначили на должность исполнительного директора на бумагопрядильной фабрике в местечке Никольском, что недалеко от Орехово-Зуева — стали выступать в тамошней команде Клуба спорта «Орехово», сделав ее самой сильной футбольной командой в России на тот период. Причем самым талантливым футболистом из четырех братьев был Уильям («Рыжий Вилли»), который забил в матчах первенства Москвы, а также в междугородних и международных встречах, более ста мячей.

В затылок ему дышал брат Эдвард (1877), который выступал за «Орехово» в самые звездные его годы — с 1911-го по 1914-й, а также несколько раз надевал футболку сборной ко-

манды «Вся Москва». Он принимал участие в матчах московской сборной против команды Финляндии 3 и 9 мая 1912 года (2 : 7 и 0 : 4), а также 1 октября того же года против немецкой команды из города Киля (0 : 3). 7 октября 1912 года в составе сборной Москвы он выходил на поле в Петербурге, в матче первенства России, против сборной этого города (1 : 4). Именно тогда этот талантливый футболист был... завербован английской разведкой, поскольку футбол в России внедрялся англичанами не только ради спортивного, но и ради политического интереса. А вербовщиком Эдварда Чарнока был небезызвестный дипломат и разведчик Брюс Локкарт.

Он приехал в Москву в январе 1912 года в качестве вице-консула Великобритании (затем он станет генеральным консулом). Брюс поселился на частной квартире у вдовы писателя Эртеля, друга Толстого. Достаточно быстро завел широкий круг знакомств в среде интеллигенции, промышленников. Как напишет он сам чуть позже: «Для того чтобы стать настоящим работником контрразведки, оставалось завоевать лишь знать, купечество...»

Подвизался Локкарт и в футболе, благо этот вид спорта в России активно популяризировали его соотечественники — те самые Чарноки. По его же воспоминаниям:

«Почти что первыми англичанами, которых я встретил, были братья Чарноки — Эдуард и Гарри. Оба были ланкаширцами и связаны с хлопчатобумажной промышленностью. В то время Гарри, младший брат, был директором хлопчатобумажной фабрики в Орехово-Зуеве Владимирской губернии.

Орехово-Зуево являлось одним из наиболее беспокойных промышленных центров, и там Чарнок, в качестве противоядия водке и политической агитации, ввел футбол. Организованная им заводская команда была в то время чемпионом Москвы.

Обо мне в кругах английской колонии ходили слухи, что я — блестящий футболист, вероятно, потому, что меня спутали с моим братом. Не справляясь о том, какой вид игры я практикую — круглым или овальным мячом, Чарноки попросили меня вступить в состав „морозовцев“, как называлась их заводская команда... Позднее, когда я ближе познакомился с этими северянами, я понял, какие они прекрасные ребята. А Чарноки с тех пор сделались моими верными друзьями, и я всегда считал мой футбольный опыт с русским пролетариатом самой ценной частью моего русского воспитания. Я боюсь, что опыт этот принес мне больше пользы, чем моему клубу. С тру-

дом я справлялся с порученным местом в команде. Несмотря на это, матчи были очень интересны и вызывали огромный энтузиазм. В Орехове нам приходилось играть перед толпой в десять — пятнадцать тысяч человек. За исключением проигранной иностранным командам, мы редко проигрывали...»

Так, катая мяч по зеленому газону, а попутно шпиона (собирая ценную информацию из разных сфер российской жизни), вице-консул и его спортивные товарищи дожили до 1917 года. А потом грянул февраль, и одному из Чарноков — Эдуарду — пришлось спешно покинуть Россию: в мае рабочие его хлопчатобумажной фабрики потребовали немедленного увольнения своего заморского директора. Однако минуло всего четыре года, и весной 1921 года Эдуард Чарнок снова объявился на улицах Москвы. Почему? В те дни на волне нэпа здесь открылась английская торговая миссия во главе с Робертом Ходжсоном, и Эдуард был привлечен к ее работе. А затем, когда между Великобританией и СССР установились дипломатические отношения, Чарнок становится секретарем дипломатической миссии в Москве. Но эта должность была ширмой, поскольку основной его деятельностью был все тот же шпионаж. Чуть позже арестованный работник Госбанка В. Евреинов, который в течение восьми лет тайно снабжал секретной информацией английского разведчика Роберта Ходжсона, будет вспоминать следующее: «С Чарноком я неоднократно встречался, и тот обычно ко мне назойливо приставал с просьбой познакомить его с каким-нибудь военным или добыть точные сведения о бюджете Красной армии».

Свои источники информации Чарнок имел в разных кругах — как в спортивных (а он продолжал играть в футбол: каждые выходные гонял мяч на спортплощадке возле Крымского моста, а также был официальным арбитром московской футбольной лиги и тренером футбольной команды «Трехгорная мануфактура»), так и в богемных — среди его знакомых, например, были ведущие оперные солистки Большого театра Антонина Нежданова (1873) и Надежда Обухова (1886), а среди лучших друзей — знаменитый режиссер Константин Станиславский. Почти за всеми телодвижениями приткого англичанина зорко наблюдали чекисты из контрразведывательного отдела ГПУ (руководитель — Артур Артузов), которые регулярно составляли оперативные докладные, типа таких: «Чарнок имеет громадные знакомства среди бывших коммерсантов, главным образом среди бывших служащих различных текстильных предприятий, а также в артистическом и спор-

тивном мирах. Помимо своего официального положения в миссии, возможно, является наблюдателем бывших владельцев русских текстильных предприятий...»

Или таких: «20.12.1924, 13:15, Чарнок и Робертс в Козмодемьянский пер., 8 по Б. Дмитровке, спортивный магазин, Кузнецкий мост, спортивный магазин „Динамо“, Большой театр и обратно в миссию».

Среди московских адресов Чарнока был и дом 16 по Спиридоновке (между Малой Никитской улицей и Садово-Кудринской улицей, в 1941 году ее назовут в честь Алексея Толстого), где обитала дама его сердца — Татьяна Прове. Она принадлежала к знаменитой немецкой династии Прове, которая осела в Москве (в лице Иоганна Прове) еще в 1830-х годах. Здесь глава семейства начинает сотрудничество с Людвигом-Иоганном (Львом Герасимовичем) Кнопом (1821–1894), основателем торгово-промышленной фирмы «Л. Кноп». Иоганн (Иван) Карлович Прове участвует в создании на острове Кренгольм в устье реки Нарвы крупнейшего в России текстильного предприятия — Кренгольмской мануфактуры — и записывается в первую гильдию нарвского купечества.

В Москве у Прове было несколько особняков. Все их лично я хорошо знаю, поскольку детство свое провел по соседству с ними. Речь идет о четырех домах: два из них находятся на Новой Басманной под номерами 16 (угловой дом справа на выходе с Сада имени Баумана) и 22 (на углу с улицей Лукьянова), один на Старой Басманной (в годы моего советского детства она называлась улицей Карла Маркса) под номером 17 (справа от входа в сад имени Баумана), и последний — на улице Лукьянова, 7 (в этом здании раньше находился Бауманский РК комсомола, где меня в апреле 1976 года принимали в комсомол).

Недвижимость Ивана Карловича в Москве и в уезде оценивалась в 606 тысяч рублей — из 2 миллионов 512 тысяч его личного капитала.

Умер промышленник в январе 1901 года, а наследниками стали его сыновья Рудольф (Роман), Карл-Александр (впоследствии Кирилл), Теодор-Фердинанд (Федор) и дочери Эмилия-Ядвига (в замужестве Миндер) и Адель-Луиза (в замужестве Калиш). Дочерью Кирилла (Карла) Прове и была дама сердца Эдуарда Чарнока Татьяна. А у нее было два брата — дети Федора (Теодора-Фердинанда) Прове — Владимир (1895) и Кирилл (1897). С ними Чарнок тоже познакомился, причем не скуки ради, а по своей шпионской необходимости — братья

обладали ценной информацией, которая интересовала англичанина.

Так, Владимир был военнослужащим одной из частей особого назначения в Кременчуге и сильно нуждался в деньгах. Узнав об этом, Чарнок предложил ему помощь: тот снабжает его информацией о своей воинской части, а англичанин платит ему за каждый рассказ от 25 до 50 долларов. Владимир почти без колебаний соглашается и в один из дней подсаживается в автомобиль англичанина на Кузнецком мосту, где выдает ему первую порцию ценных сведений. Чуть позже, уже работая в Центральном военно-спортивном клубе, а затем в Наркомземе, Владимир регулярно информирует Чарнока уже по вопросам, касающимся работы этих учреждений. Правда, однажды он сделал попытку «соскочить» — заявил англичанину, что больше не хочет выдавать ему секреты. Но когда Чарнок пригрозил парню чуть ли не убийством, Владимир испугался и взял свои слова обратно. Более того: когда Чарнок приказал ему сменить работу и устроиться в Наркомат иностранных дел или внешней торговли, а еще лучше — в оборонный институт ЦАГИ, то Владимир не стал прекословить. И весной 1925 года стал работать чертежником в ЦАГИ.

Примерно в это же время Чарнок завербовал и брата Владимира — Кирилла. Их знакомство произошло в июне 1925 года по тому же адресу — Спиридоновка, 16, — на званом обеде. Увидев статного красавца Кирилла, облаченного в военную форму, а также узнав, где он служит — в батальоне охраны Реввоенсовета, — Чарнок тут же решил взять быка за рога. И вскоре после знакомства предложил Кириллу стать источником информации за хорошее вознаграждение. И тот, как и его брат, быстро дал свое согласие, поскольку любил проводить вечера на модных нэпманских тусовках, а для этого всегда нужны были деньги. Англичанина интересовало штатное расписание батальона охраны, табель и расположение постов, секретные приказы, номера подъездов, через которые ходят Ворошилов и его заместитель Уншлихт, и многое другое. За каждое такое сообщение Чарнок платил Кириллу по 50–70 рублей, а иногда и больше. Кроме этого, молодой человек стал связующим звеном между шпионом и своим братом, передавая тому указания от англичанина. И тот за это не скупился на гонорары, поскольку получал от Владимира не только словесную информацию, но и документированную. Например, за чертежи некоторых разработок института — моторов, аэросаней, аэродинамической трубы и др. — он выкладывал

от 200 до 250 рублей. Весьма приличные деньги по тем временам. Для примера: средний оклад советских инженеров составлял 150 рублей, рабочих и служащих — 100 рублей (но для них существовали разного рода скидки). Вызов такси в любую точку Москвы стоил два рубля, лучшие сорта яблок продавались по 40–60 копеек за один килограмм.

Именно Кирилл Прове и вовлек в эту шпионскую историю героиню нашего рассказа — 17-летнюю Зою Федорову. Тем летом 1927 года она окончила школу и стала работать в Госстрахе учетчицей (бухгалтером). Вообще-то она хотела после десятилетки поступить в театральное училище (в школе Зоя играла в драмкружке), но отец этому категорически воспротивился. Актерство он считал профессией легкомысленной и, главное, ненадежной в материальном плане. А поскольку у него были определенные связи (в 1918–1921 годах он работал начальником паспортной службы в Кремле), то помог своей дочери устроиться в Госстрах, который входил в наркомат финансов в качестве одного из его управлений.

Кстати, располагался Госстрах в окрестностях Лубянки: на Кузнецком Мосту и на Никольской улице. В те годы в СССР по этому поводу даже ходил анекдот: один прохожий на Лубянской площади спрашивает другого, указывая на здание КГБ: «Не подкажете, Госстрах здесь находится?». На что следовал ответ: «Госстрах за углом, а здесь Госужас».

Работу свою Зоя не любила, но вынуждена была туда ходить, чтобы не гневить отца. А в свободное время она с подружками посещала молодежные компании, где танцевали модный в ту пору танец фокстрот, пришедший из США. В одной из этих компаний — в доме у некоего Кебрена — на нее и обратил внимание 29-летний Кирилл Прове. Статный военный произвел впечатление и на юную Зою, после чего молодые начали встречаться. Один раз она даже пригласила его к себе домой, где познакомила со своими родителями. Видимо, виды на него у девушки были самые серьезные. Но их отношения поломало... ГПУ, придя под покровом ночи в дом к Федоровым. И здесь следует описать тогдашнюю ситуацию в стране и мире, которая вынудила чекистов на меры репрессивного характера. Сначала заглянем в энциклопедию:

«В начале 1927 года Великобритания, опасаясь потерять свои позиции в Китае в результате развернувшейся в этой стране революции 1925–1927 годов, потребовала от СССР прекратить военную и политическую поддержку гоминьдановско-коммунистического правительства. Отказ СССР вы-

полнить условия „ноты Чемберлена“ (23.02) привел к резкому ухудшению отношений между Британией и СССР. Китайский налет на полпредство СССР в Пекине (6.04) и обыск, произведенный английской полицией в советско-английском АО „Аркос“ в Лондоне (12.05) предоставили в распоряжение консервативного правительства С. Болдуина секретные советские документы, подтвердившие „подрывную деятельность“ московского Коминтерна в Великобритании и Китае, после чего Британия разорвала торговые и дипломатические отношения с СССР (27.05). В Советском Союзе это было воспринято как подготовка „крестового похода“ против СССР, что привело к нарастанию военного психоза, подогреваемого активизацией борьбы белогвардейской эмиграции как внутри страны (теракты РОВС в Москве, Ленинграде, Минске) так и за ее пределами (убийство Войкова в Варшаве). Несмотря на то, что Великобритания, после победы антикоммунистических переворотов в Китае (Ч. Кайши в Шанхае и В. Цзиньвэя в Ухани) и разрыва гоминьдана с СССР, не стремилась к нагнетанию конфликта, И. Сталин использовал сложившуюся ситуацию для ужесточения карательной политики (ввод в действие печально известной 58-й статьи УК СССР 6.06.1927), свертыванию нэпа и разгрома троцкистско-зиновьевской оппозиции (ноябрь-декабрь 1927 года). Великобритания возобновила дипломатические отношения с СССР в 1929 году...»

А теперь познакомимся с тем, что пишут историки Михаил Тумшиц и Александр Папчинский:

«1927 год вообще оказался неудачным для советской разведки и контрразведки. Целая серия провалов выявила слабые места в разведывательных и контрразведывательных операциях за рубежом. В феврале 1927 года была разгромлена нелегальная резидентура РУ РККА и ИНО ОГПУ во Франции, возглавляемая членами Французской компартии Жаком Креме и Пьером Прево. Арестам и обыскам подверглось около ста человек. В марте польская контрразведка выявила сеть агентов ОГПУ, возглавляемую бывшим сподвижником Юденича, генерал-майором белой армии Д. Р. Ветренко. Тогда же в Стамбуле была задержана группа агентов, работающих под „крышей“ советско-турецкой торговой компании. Турки обвинили в „насаждении шпионажа“ сотрудников советского полпредства. Чуть позже в Вене прошли аресты ряда сотрудников МИДа, снабжавших секретной информацией агентов Москвы. В апреле 1927 года в Пекине, в результате полицейского рейда в советское консульство, было изъято значительное количество

во документов, подтверждающих факт ведения шпионской и подрывной деятельности в Китае. В мае 1927 года уже английская полиция нанесла „визит вежливости“ в помещения „Аркаса“ и торгпредства СССР в Лондоне. По результатам обыска на представителей Страны Советов посыпались обвинения в „создании шпионских организаций“.

Масштабным скандалом закончилось разоблачение еще одного советского агента, на этот раз в Литве — Константина Карловича Клещинского — Клещинскаса (агентурный псевдоним — Иванов-ХИ). Бывший царский офицер, окончивший Академию Генерального штаба, проходивший службу в лейб-гвардии Волынском полку, в Первую мировую войну он попал в немецкий плен. Затем волей судеб оказался в Литве, где поступил на военную службу: инструктор одного из первых литовских воинских отрядов, командир дивизии. К 1920 году Клещинский, награжденный литовским крестом 1-й степени, занял пост начальника Генштаба. Именно ему и еще одному литовскому офицеру (полковнику-лейтенанту Ладиге) командующий 3-м кавкорпусом Г. Д. Гай передал ключи от Вильно, освобожденного советскими войсками. В 1922 году Клещинский вышел в отставку. Как генерал-лейтенант в отставке и доброволец он был наделен значительным земельным участком, стал получать хорошую пенсию и был устроен на работу в таможню.

В сети советской разведки Клещинский попал в июле 1926 года. Его „служба“ обходилась ковенской резидентуре ОГПУ в 500 литов в месяц, одновременно какие-то деньги уходили в СССР родственникам агента. „Иванов-ХИ“ снабжал ИНО ОГПУ разнообразными сведениями о литовском правительстве, армии, политических и общественных деятелях. В обвинительном заключении на Клещинского было указано: „Освещал внутреннюю борьбу партий и давал подробную характеристику правящих кругов и высших военных начальников“, а также сообщал данные чисто военного характера, являясь „одним из деятельнейших агентов, причинивших большой вред (литовскому) государству и армии“.

В случае с Клещинским ОГПУ о конспирации особо не заботилось. Встречи с кураторами от ОГПУ происходили три раза в месяц и чаще всего на частной квартире Клещинского в Ковно. Информация об этих полусекретных контактах с советскими дипломатами дошли до литовской контрразведки, где решили взять под оперативное наблюдение бывшего начальника Генштаба. Уже после ареста литовская пресса писа-

ла, что Клещинский очень боялся разоблачения и одно время даже хотел сбежать в Турцию.

19 мая 1927 года в квартиру Клещинского ворвались агенты полиции. Помимо хозяина там был задержан помощник резидента ИНО ОГПУ (П. М. Журавлева) Н. О. Соколов. В результате столь громкого провала под угрозой расконспирирования оказалась вся деятельность ИНО ОГПУ в Литве. В результате Журавлеву, Соколову (консулу СССР в Ковно) и другим дипломатам-чекистам пришлось спешно покинуть литовскую столицу.

31 мая 1927 года Клещинский предстал перед военно-полевым судом. Судебное заседание проходило в VI форте. Подсудимый подал на имя литовского президента Сметоны прошение о помиловании и выразил сожаление по поводу своих преступных деяний, просил о даровании ему жизни. Свое выступление на суде он начал словами: „Мне очень стыдно, господа, смотреть вам в глаза. Я принужден был работать для тех, кого всей душой ненавидел. Сначала меня заставляло делать это материальное положение“. Военно-полевой суд отклонил просьбы и приговорил Клещинского к расстрелу. На рассвете 1 июня 1927 года он был расстрелян.

Подобные провалы советской разведки и контрразведки, неудачная концовка операции „Трест“ и последующие события — попытка взрыва здания на Лубянке, теракты в Ленинграде и Белоруссии, убийство полпреда в Варшаве П. Л. Войкова, совершенное белоэмигрантом Б. Кавердой, — все это создало впечатление волны террора, захлестнувшей Страну Советов, немедленно вызвав тем самым ответную реакцию советских властей. Свою роль сыграло и ожидание начала военных действий со стороны некоторых западных держав („военная тревога 1927 года“).

В июне 1927 года заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода подписал директиву всем органам ГБ о производстве массовых операций „по аресту лиц, подозреваемых в шпионаже“. Вся оперативная работа по реализации этой директивы была возложена на „Центральную тройку“, в которую вошли А. Х. Артузов, начальник СО ОГПУ Т. Д. Дерibas и особоуполномоченный при Коллегии ОГПУ В. Д. Фельдман.

Эта „тройка“ имела право выносить внесудебные приговоры (в том числе и смертные) „альбомным способом“. Органы ОГПУ, проведя следствие на местах, отсылали в Москву лишь справку с фотографией обвиняемого, кратким изложением преступлений и предложениями о возможной мере на-

казания. На Лубянке же принимали окончательное решение о дальнейшей участи очередного „шпиона, монархиста, диверсанта и вредителя“. О масштабности операции 1927 года можно судить по следующим цифрам: на Украине было арестовано 1226 человек, в Белоруссии 602 человека арестовали, 830 человек обыскали (по данным ГПУ Белоруссии, в это число вошли „...преимущественно жители деревень и местечек, разложенные годами немецко-польской оккупации и театра военных действий, являющиеся объектом особого внимания польской и латвийской разведок“), в Северо-Кавказском крае арестовали 1519 человек, обыскали 1500 человек и еще 2216 человек намечалось подвергнуть аресту. Руководители региональных органов ОГПУ приветствовали решение о проведение массовых операций. В отчетах местных органов ОГПУ в Центр постоянно мелькали эпитеты — „успешная“, „интересны результаты“, „наглядно показала правильность наших утверждений“ и т. д.

Сталин давал распоряжение руководству ОГПУ ликвидировать агентов английской разведки в стране. Вот что он писал в шифрограмме председателю ОГПУ Г. Ягоде: „Агенты Лондона сидят у нас глубже, чем кажется, и явки у них все же остаются... повальные аресты следует использовать для разрушения английских шпионских связей“. 1 июня 1927 года с аналогичным предложением выступил председатель СНК СССР А. И. Рыков. На Пленуме Московского совета он огласил письмо английского консула Престона в британскую коммерческую миссию в Москве: „Дорогой Джерамм! Я думаю, что наши шифры получены по приказу Питерса, в связи с письмом от 7 апреля. Я постараюсь найти то, что нужно относительно вашего Дайагеза. Получение нужной нам информации не является легким делом для меня, ибо мои русские птенцы, которых я посылаю на такого рода поручения, подвергаются серьезной опасности, что ГПУ их повесит или четвертует“. По мнению руководства страны, это письмо было не чем иным, как прямым доказательством шпионской деятельности англичан...

8 июня 1927 года (то есть, за шесть дней до прихода чекистов к семейству Федоровых. — *Ф.Р.*) Политбюро ЦК ВКП(б) „в связи с белогвардейскими выступлениями“ постановило: „Поручить ОГПУ провести массовые обыски и аресты белогвардейцев, опубликовать сообщение ОГПУ с указанием в нем на произведенный расстрел двадцати видных белогвардейцев, виновных в преступлениях против советской власти; организовать комиссию для усиления мер охраны, как в отноше-

нии центральных учреждений, так и отдельных руководящих товарищей“. Это решение стало ответом на жесткие требования Сталина: „Всех видных монархистов, сидевших... в тюрьме или концентрационном лагере, надо немедленно объявить заложниками. Надо теперь же расстрелять пять или десять монархистов, объявив, что за каждую попытку покушения будут расстреливаться новые группы монархистов. Надо дать ОГПУ директиву о повальных обысках и арестах монархистов и всякого рода белогвардейцев по всему СССР с целью их полной ликвидации всеми мерами“.

10 июня 1927 года все центральные газеты СССР опубликовали официальное сообщение Коллегии ОГПУ о вынесении смертного приговора четырнадцати террористам-монархистам и шести английским шпионам. Среди расстрелянных оказались: П. Д. Долгоруков — бывший князь и член партии кадетов, в 1926 году нелегально проникший из-за границы в УССР „с целью создания антисоветских групп“; уже упоминавшийся Г. Е. Эльвенгрэн; И. М. Сусанин — бывший полковник белой армии и бывший начальник контрразведки армии Врангеля в Болгарии, в 1926 году перешедший границу с поручениями великого князя Николая Николаевича „организовать террористические группы“; Н. А. Павлович — бывший начальник монархической дружины „Двуглавый орел“, сотрудник контрразведки штаба деникинской армии, в 1920-е годы занимавшийся контрреволюционной работой в Киеве; Б. А. Нарышкин — бывший офицер Черниговского полка, монархист — приверженец великого князя Кирилла Владимировича, который, по материалам КРО ОГПУ, „оказывал шпионские услуги целому ряду иностранных представителей в Москве“; А. А. Микулин — бывший камергер Императорского двора и член Государственного Совета, содержал конспиративные явки для прибывших из-за рубежа контрреволюционеров, террористов и шпионов; Е. Н. Шегловитов — сын царского генерала, монархист, занимающийся шпионажем по заданиям иностранных разведок; В. И. Вишняков — бывший присяжный поверенный, монархист, помогавший террористам; А. Ф. Мураков — бывший крупный купец, финансировал деятельность контрреволюционных монархических организаций на советской территории; В. И. Аненков (он же Махров, Арсеньев) — бывший офицер армии Юденича, нелегально в 1927 году пробравшийся из Парижа в СССР с заданием монархической организации великого князя Николая Николаевича „создать террористические и диверсионные группы“.